

ДАРЬЯ СЫЧЁВА

КАМЕННЫЙ ГОРОД

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84-4(2Рос=Рус)
С95

Сычёва, Д.

С95 Каменный город / Д. Сычёва. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 466 с.

Когда к Киане попал дневник отца, она надеялась найти в нем ответы, а не новые вопросы. А секрет, случайно обнаруженный под обложкой дневника, запутал еще больше. Но одно Киана поняла предельно ясно — отец что-то скрывал. Сможет ли юная любительница приключений усидеть на месте? Конечно же, нет!

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-92381-6

© Сычёва Д., текст, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ГЛАВА 1

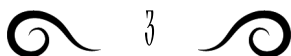

Четырнадцатый день месяца Пробуждения. Для всех это обычный весенний день, но только не для семьи Вернор. В календаре он отмечен черным, а в памяти — слезами и тоской. словно бы по волшебству стираются улыбки с лиц и меркнет свет жизни в глазах. В воздухе начинает веять печалью. Это наваждение длится ровно сутки, а потом исчезает как утренний туман.

Киана сидела в кресле. Перед ней стояла небольшая кружка с остывшим душистым чаем. Остальные пили пиво, согласно заведенной в семье традиции. Эту традицию Киана не уважала, потому что не понимала ее смысл. Она просила, чтобы ей рассказали, объяснили, но никто толком и сам не знал зачем все это. Порой Киана не понимала мир, в котором ей было суждено родиться.

Кроме нее, в комнате находились еще трое — мама, Айбл и Бивис. Должны были прийти и другие гости, но работу никто не отменял. Впервые за шесть лет гостей пришло так мало. Киана не видела в этом дурного знака, в отличие от матери. Прошло уже много времени, не все хотят тревожить старую рану на душе и не стоило на это обижаться.

Поминальный день, день памяти — как ни назови, а все равно приходится вспоминать отца. Поминай покойного тем, что он любил при жизни, и уважай выбор его — так звучала одна из множества мудростей, которую принято чтить и соблюдать, дабы не разгневать

духов, что заботятся об упокоении душ. В случае почившего отца Кианы речь шла о пиве. Это самое противное и дешевое пойло во всем Тиноре. Такое еще поискать надо. Но он его любил и частенько пил, сидя в гостиной и читая газету. Сейчас в том кресле сидела Киана, и ей казалось, что она вновь стала маленькой девочкой, которая ерзает у отца на коленках и просит рассказать очередную историю о приключениях.

Но Киана уже далеко не маленькая девочка. Ей семнадцать, в следующем году она закончит обучение в школе и поступит в университет. Киана уже давно строила планы на будущее, не забывая советоваться с матерью и друзьями. В отличие от отца, который не боялся новых открытий и всегда рвался вперед к цели через тернии, Киана была слишком осторожной и продумывала свои шаги заранее.

— Любил же он эту дрянь! — хриплым голосом отозвался Айбл. Старик устроился в соседнем кресле с бутылкой пива в руке. В его возрасте вредные привычки, в том числе алкоголь, опасны для здоровья. Мать Кианы каждый раз разбавляла его пиво водой, а Айбл даже не замечал этого. После того как он перенес инфаркт пару лет назад все друзья переживали за его здоровье, но только не он сам.

Айбл ненавидел пиво любого сорта, а это так тем более. Всё нутро было против того, чтобы сделать ещё один глоток, но какое-то неведомое чувство упрямо заставляло раз за разом подносить бутылку к губам. Эта горечь во рту, неприятное послевкусие и желание выплюнуть все в ближайшую раковину не доставляли никакого удовольствия, но приходило удовлетворение и осознание того, что эти мучения не напрасны. Впрочем, большую часть он себе придумывал. Мама Кианы до такой степени разбавляла его пиво, что от него оставался только запах. Айбл с юности прослыл тем еще фантазером!

— Пей и не бухти, — хмыкнул Бивис, покуривая трубку у окна. Он, казалось, вообще не чувствовал вкуса

и пил кружку за кружкой или же просто выливал все через окно. Неудивительно, что куст чах с каждым годом все сильнее.

— За тебя, Марк! — Айбл вознес руку с бутылкой вверх. — Чтоб ты этой дрянью в Наднебесной подавился!

За подобное обращение к почившему мужу мама Кианы могла бы запросто выставить старика за дверь, но зная Айбла и то, как много он сделал для их семьи, она перестала видеть в подобных словах что-то оскорбительное. Да и сам Айбл не имел в виду ничего плохого. Черный юмор это, скорее, по части Бивиса, а Айбл всегда шутил по-доброму, без какой-то дурной тени.

— Ещё, Айбл? — поинтересовалась мама, которая сама выпила не больше двух глотков. Она вообще не пила, даже по праздникам, но ради любимого переступала через все возможные преграды. А в последние годы тоже стала разбавлять пиво водой.

— Дорогуша, мне бы эту осилить!

— Так ты пей, а не смотри на него, — Бивис любил повредничать. Эти двое никогда особо не ладили, да и с Бивисом найти общий язык довольно сложно.

Айбл тут же начал возмущаться и снова поднял тему о неуважительном отношении к старикам. Бивис молча закатил глаза и отвернулся к окну, хорошенько затянувшись. Он предпочитал общему столу подоконник и окно, в которое можно курить и не смущать дымом присутствующих.

Бивис был единственным магом, которого семья Кианы знала так близко, хотя отец был знаком с множеством магов и драконов по долгу своей работы в клубе путешественников. Он собирал истории со всех краев Тинора, чтобы потом перенести их на страницы книг. Благодаря усилиям отца, в книжных лавках с каждым годом появлялись новинки в разделе «История».

— А я, между прочим, недавно вернулся из одной весьма интересной поездки, — не без гордости заявил Айбл. Старик взглянул на свою бутылку и, скривившись так, словно проглотил самый кислый лимон, выпил

остатки залпом. Больше пить нечего, можно праздновать свою маленькую и сомнительную победу. Мамы Кианы тут же предложила ему чай, от которого старик никогда не отказывался.

— Куда ты поперся в свои года?! — усмехнулся Бивис. Шутки по поводу возраста Айбла доставляли ему особое удовольствие.

— На Рьян.

Айбл предвидел, что его слова вызовут недоумение и в комнате воцарится гробовая тишина. С тех пор как отец Кианы и целая группа таких же путешественников оказались погребены под обвалом, никто не плавал на тот остров в сердце Пояса Осколков. Эти воды опасны, да и сам Рьян окутан дурной славой. Неудивительно, что энтузиастов, подобных отцу Кианы, потянуло туда. Дикие места всегда манили к себе горячие головы, вроде той, что чудом держалась на плечах Марка Вернора.

Никто не сомневался, что от печальной участи Айбла спасли высшие силы. Энтузиазм не менее опасен, чем чума. Отца Кианы он отравлял еще с юношеских лет, а на Айбла напал уже в солидном возрасте, после знакомства с тогда еще молодым Марком Вернором. Старик неустанно восхищался прытью младшего поколения и не стыдился следовать за ним. Последнее подобное путешествие чуть не обернулось для Айбла прямой дорогой в Наднебесную, но духи смиловались, подарив ему несчастный случай. В джунглях легко подвернуть ногу, зацепившись за корень, а старику с портящимся зрением так тем более. Его путешествие на остров закончилось, едва успев начаться. Айблу пришлось все четыре дня отсиживаться в лагере вместе с двумя другими членами экспедиции. Впоследствии выяснилось, что только они и выжили.

Айбл не раз думал, что лучше бы он погиб под обвалом. Киане тогда было всего одиннадцать. И сообщать девочке, ждущей своего отца-путешественника, что тот уже не вернется, стало самым тяжелым испытанием, которое выпало на долю старика Айбла.

— Ну, и что ты там забыл? — хмыкнул Бивис.

— Думаю, это было мое последнее путешествие, пора бы уже на пенсию. Возраст дает о себе знать. Хотел попрощаться с ними, — печально вздохнул Айбл, вспоминая друзей по клубу путешественников, которые обрели покой на одном из островов Пояса Осколков. — Я уже везде был, так что пора бы уступить дорогу молодым. Верно, Киана?

Киана ему мило улыбнулась. Айбл часто шутил на тему того, что юной мисс Вернор давно пора отправиться в свое путешествие, вот только Киана все не решалась. После трагедии, что приключилась с отцом, она на какое-то время отказалась от детской мечты продолжить его дело. Но со временем тяга потихоньку возвращалась, вот только решимости поубавилось. Киана была бы не прочь отправиться куда-нибудь, но в компании опытных путешественников, которые не бросят и проведут интересную экскурсию по новым местам. Увы, но мало кто согласится взять с собой семнадцатилетнюю девчонку.

Для себя Киана решила, что сначала окончит школу, а там, может, и съездит куда-нибудь. Например, в Шагару. Эта страна находилась совсем рядом, к тому же туда регулярно ходит поезд. Хоть Киану и тянуло посмотреть на мир, она боялась делать это так, как отец — бросаться с головой в самую гущу событий и там уже разбираться по ходу дела. Так умел только Марк Вернор.

К тому же мать Кианы очень критично относилась ко всем разговорам про путешествия и частенько ругала Айбла за подстрекательство. Она вовсе не запрещала Киане покидать пределы родного города, но хотела быть уверена, что с ней все будет хорошо. Лишать дочь мечты она не могла, как и потерять дочь вовсе.

Все друзья отца говорили, что Киана очень похожа на Марка, вот только не были уверены по части характера. Если у Марка было шило в известном месте, то Киана вела себя довольно смирно, но могла быть решительной. Это у нее, несомненно, от матери. Та с молодых лет была очень

практичным человеком и всегда трезво оценивала свои силы и возможности, а Марк просто брал и нырял в омут, не зная, насколько тот глубок. И как эти двое сошлись?

И все же Киана была похожа на своего отца. В основном внешне. Ее родители — очень контрастная пара. Отец коренной северянин, а мать — уроженка южных стран. Отсюда у Кианы бронзовая кожа и жесткие и густые волосы, как у южан. Зато глаза Киане достались от отца — карие, словно дубовая кора. У матери-то они черные, словно ночь в еловом лесу. Айбл часто шутил, что, мол, Киана во всем стремится быть похожей на отца. Да, стремилась когда-то. В детстве она была его точной копией, а с возрастом стала больше тянуться к матери.

На самом деле Киане не нравилось, когда ее постоянно сравнивали с кем-то из родителей. Особенно этим грешил Айбл. Киана часто твердила, что она похожа только на себя, но в ответ получала от взрослых лишь улыбки, которые будто бы намекали на то, что слова девочки не воспринимают всерьез. Пожалуй, только Бивис к ней прислушался. Впрочем, маг никогда ее ни с кем и не сравнивал.

— Уже поздно, — заметил Айбл, взглянув на часы. — Пора закругляться. Спасибо, Прия, что позволяешь нам каждый год собираться под твоей крышей. Надеюсь, мы не сильно тебе надоели.

— Что ты, Айбл, — отмахнулась та, вытирая и без того чистые руки о передник. — Буду рада тебе, даже если заявишься рано утром или поздно ночью. Двери этого дома всегда для вас открыты.

— Ты идешь, Бивис? Хватит пить, пожалей печень, — кряхтя, Айбл поднялся с кресла и потянулся.

— Я владею магией исцеления, к тому же знаю одного хорошего лекаря, так что за мои органы не переживай, — парировал Бивис, торопливо ища свой плащ, который, как всегда, где-то бросил.

— Я провожу, — вызвалась Киана, которая углядела уникальный шанс выйти на крыльцо и подышать свежим воздухом.

Холодный весенний вечер приятно ободрил всех своим легким ветерком. В доме было душно и жарко. Киана стояла у крыльца, нежась в прохладе и наблюдая, как мотыльки мельтешат под фонарным столбом. Мощеная улица спускалась к набережной и тонула в темноте у перекрестка. Бриара всегда была тихим городом, особенно в темное время суток. Ее часто сравнивали со служителем храма, который наложил на себя обет молчания.

Бивис никогда не тянул с прощаниями. Мужчинам он жал руку, а женщинам сдержанно кивал. Он всегда избегал света, будто бы боялся его, хотя, скорее, просто не любил показываться на людях, предпочитая вести скрытный образ жизни. Неудивительно, что с такими повадками Бивис казался чудаком. Но тяга к тени и невольное избегание света являлись неотъемлемой частью Бивиса, без которой он бы перестал быть собой.

В доме Верноров он бывал часто, но после смерти Марка стал захаживать все реже, оправдываясь работой в гильдии и постоянными командировками на Восток. А ведь раньше он и Марк часто сидели в их гостиной и обсуждали новости. Киана, будучи совсем малышкой, частенько забиралась к Бивису на коленки и требовала показать ей пару фокусов. Когда еще выпадет шанс поклянчить у мага чудеса? Киана родилась простым человеком без способностей к магии. Порой ей казалось, что она неполноценная, что ей чего-то недодали. А потом вспоминала, что в ее маленьком городке магов и драконов практически нет, — все уезжали в столицу. Наверное, если бы не гильдия, Бивис бы тоже уехал.

Маг закурил свою любимую трубку, без которой его было невозможно застать, и, махнув рукой на прощанье, зашагал прочь. Вскоре он исчез из виду, но Киана еще слышала шаги по мощеной улице.

Айбл был противоположностью Бивиса: он, мало того, что тянулся к свету, так еще и сам его излучал. Как говорили, Айбл родился с улыбкой на лице и с плешью на голове. Его лицо не представлялось без улыбки,

а игривый огонек в глазах не угасал с годами. Таких оптимистов еще надо поискать!

Когда Бивис исчез, Айбл предложил Киане пройти до конца улицы и расстаться на углу. Киана охотно согласилась, ей надоело сидеть в душной гостиной, а вечер молил ее остаться на свежем воздухе подольше.

— Скажи, Киана, а ты до сих пор роешься в записях Марка? — спросил Айбл.

Он, как, впрочем, и все остальные, знал, что Киане нравится изучать старые дневники отца, коих накопилось очень много за все года путешествий. В них отец записывал истории, которые собирал, и делал всякие заметки из своих экспедиций. Но после его смерти Киана долгое время пыталась найти в записях ответы. В свое последнее путешествие Марк взял новый, свежий дневник, который любимая дочь подарила ему на день рождения. Киана помнила, как выбирала его среди множества других. Мягкий кожаный переплет, красивый рисунок, изображающий слияние солнца и луны в одно светило, которое отец прозвал «солнцелунием», красное ляссе, белоснежные листы. Ее подарок, как и отец, навсегда остались на том проклятом острове.

— Сейчас уже нет, — ответила Киана тихо.

Айбл остановился резко, да так, что Киана едва не споткнулась. Он опасливо посмотрел по сторонам, убеждаясь, что в столь позднее время суток никто по улицам не гуляет. Лишь в редких окнах горел свет. В Бриаре ложились спать рано, хотя никакого комендантского часа в городе не было — его отменили лет сто назад.

В желтом свете фонаря на старое лицо Айбла легли зловещие тени, исказившие его до неузнаваемости. Он редко хмурил брови, но Киана видела, как они сошлись над переносицей. Улыбка, ставшая Айблу верной спутницей жизни, куда-то запропастилась. От тяжелого и строгого взгляда Киане стало не по себе.

— Он у меня, — сказал Айбл, запустив руку во внутренний карман плаща. — Я нашел этот дневник